

Андрей Павлович

ТОЧКА ОПОРЫ

История о том, как найти себя на дне

ИНОГДА
НУЖНО
ОКАЗАТЬСЯ
НА ДНЕ,
ЧТОБЫ УВИДЕТЬ
СВЕТ

НЕ ПАДЕНИЕ ДЕЛАЕТ НАС СЛАБЫМИ,
А ОТСУТСТВИЕ СМЫСЛА.

Андрей Стрельченко

ТОЧКА ОПОРЫ

«Автор»

2026

Стрельченко А. П.

ТОЧКА ОПОРЫ / А. П. Стрельченко — «Автор», 2026

Он построил бизнес, чтобы дать семье безопасность. А потерял всё — друга, компанию, себя. Одна ночь во дворе, двадцать три пропущенных звонка и осознание: всё, что рухнуло, рухнуло по одной трещине. Проходящей через него. Эта книга — не про деньги и не про рынок. Она про то, как не потерять себя, спасая бизнес. И про то, что иногда, чтобы не потерять всё, нужно остановиться на шаг раньше. «Точка опоры» — продолжение трилогии об Алексее Ветрове. История о том, как перестать быть функцией и снова стать человеком. О том, как изменить прошлое в своей голове и создать новое будущее в своих действиях. В конце каждой главы — микро-действие, которое поможет применить прочитанное в своей жизни. Не для чтения, а для жизни.

© Стрельченко А. П., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Андрей Стрельченко

ТОЧКА ОПОРЫ

Глава

ТОЧКА ОПОРЫ

Книга 4 трилогии об Алексее Ветрове

Автор: Андрей Павлович

Аннотация

Он построил бизнес, чтобы дать семье безопасность. А потерял всё — друга, компанию, себя. Одна ночь во дворе, двадцать три пропущенных звонка и осознание: всё, что рухнуло, рухнуло по одной трещине. Проходящей через него.

Эта книга — не про деньги и не про рынок. Она про то, как не потерять себя, спасая бизнес. И про то, что иногда, чтобы не потерять всё, нужно остановиться на шаг раньше.

«Точка опоры» — продолжение трилогии об Алексее Ветрове. История о том, как перестать быть функцией и снова стать человеком. О том, как изменить прошлое в своей голове и создать новое будущее в своих действиях.

В конце каждой главы — микро-действие, которое поможет применить прочитанное в своей жизни. Не для чтения, а для жизни.

Эпиграф ко всей трилогии

«Ты не можешь вернуться во вчерашний день. Но ты можешь пересмотреть его. Переосмыслить. Перепрощить своё отношение к тому, что случилось. И тогда прошлое перестанет быть грузом. Оно станет опытом. Фундаментом. Точкой опоры.»

Карточка персонажа

Имя: Алексей Ветров

Возраст: 43 года

Состояние: После банкротства компании, ухода Сергея, разрыва с Мариной. Потерял всё — бизнес, друга, семью, себя. В поиске опоры.

Семья: Жена Марина (в разрыве), двое детей (Соня 16 лет, младший 10 лет), мама (живёт в другом городе).

Внутреннее состояние: Пустота, страх, надежда. Учится быть, а не делать.

Содержание

Вступление — Глава 0. Обнуление

Часть первая. Крушение

Глава 1. Утро после

Глава 2. Суд

Глава 3. Похороны компании

Глава 4. Пустота

Глава 5. Тишина в трубке

Часть вторая. Остановка

Глава 6. Дно
Глава 7. Встреча с психологом
Глава 8. Первый шаг
Глава 9. Письмо Марине
Глава 10. Соня
Часть третья. Опоры
Глава 11. Новое дело
Глава 12. Первый заказ
Глава 13. Он всегда носил с собой вашу фотографию
Глава 14. Прощание
Глава 15. Марина возвращается
Глава 16. Новый рисунок
Глава 17. Смысл
Эпилог — Возвращение

Часть первая. КРУШЕНИЕ

Глава 0. Обнуление

Сорок два. Чёртовы сорок два.

Машина стоит во дворе. Двигатель работает. Сорок минут. Сорок минут — в этом чужом дворе, и мотор не заглушить. Пока он гудит — есть иллюзия пути. Есть возможность куда-то ехать. Есть надежда не возвращаться в этот двор. В эту тишину. В этот дом с жёлтым окном, которое так и не зажглось. Страх перед входом — потому что за порогом перестанешь быть директором. Останется просто мужчина, потерявший всё.

Руки лежат на руле. Они дрожат. Они не дрожали, когда подписывались контракты на миллионы. Они не дрожали, когда увольнялись люди. Они не дрожали, когда произносилась ложь жене. А сейчас — дрожат. Потому что произошла остановка. И нет ответа на вопрос: как жить дальше? Кто ты теперь?

Когда это началось? Память не сохранила точного момента. Наверное, где-то на пятом году, когда перестал замечать, как растут дети. Когда приходил домой — Соня уже спала. Когда уходил — она ещё не просыпалась. Дочь существовала только на фотографиях. О её росте напоминала жена, сообщая размер одежды. Но как она училась ходить, как впервые сказала «папа» — всё это осталось за кадром. Марина передала: «Соня сегодня сказала „папа“». Кивок. Слово «Отлично». И уход на встречу. А она, наверное, ждала радости, улыбки, объятий. Ничего этого не было.

Или на восьмом году, когда жена перестала задавать вопросы. «Ты будешь дома?» — уже не звучало, потому что ответа всё равно не последовало бы. «Ты в порядке?» — тоже исчезло, потому что знала: прозвучит «да», а внутри будет пустота. Молчание. Она научилась жить без него. Он был там, физически. Но его не было.

В памяти всплывает тот вечер. Соня сидит за столом и рисует. Увлечённо, не замечая, как он вошёл. Наблюдение за ней — она выводит линии, подбирает цвета. И вдруг рисунок: семья. Мама, она, младший, кот. И пустое место. Там, где должен был быть отец. Взгляд на рисунок — и внутри всё сжимается. В груди становится тесно. Горло перехватывает. Хотелось спросить: «Соня, а почему ты не нарисовала папу?». Но вопрос не прозвучал. Ответ был известен: он не был частью этой семьи. Он был функцией. Тем, кто приносит деньги. Но не папой. Фраза: «Куплю тебе новые фломастеры. Эти, наверное, засохли». Она не ответила. Просто убрала рисунок в ящик, лицом вниз. И он не заметил. Уже думал о завтрашней встрече. Уже был там, в своём мире, где нет рисунков, нет детей, нет семьи. Только цифры, контракты, бег.

Вспоминается, как Марина сидела на кухне с остывшим чаем. Обычный вечер. Пришёл в полночь. Она не спала. Но и не ждала. Просто сидела, обхватив кружку ладонями, и смотрела в стену. Вопрос: «Ты не спишь?». Ответ: «Не сплю». И замолчала. Хотелось сказать что-то важное, обнять, сказать: «Прости, что я так поздно. Прости, что меня нет. Прости, что я не с тобой». Но слова не были сказаны. Прошёл мимо. В душ. В кровать. В свой сон. А она осталась сидеть. Одна. С остывшим чаем. С пустотой. Слёз её не заметил. Не слышал. Был слишком занят собой. Слишком занят бегом.

Вспоминается, как Сергей стоял у окна в кабинете. Утро. Бумаги на столе. Он вошёл без стука. Как всегда. Стоял у окна, вполоборота. И сказал: «Я выхожу, Лёш». Взгляд не поднялся от бумаг. Вопрос: «Из чего?». Ответ: «Из всего». Вот тогда поднялась голова. Увиделись его глаза. Пустые. Уставшие. Он сказал: «Ты не бизнес перестал чувствовать, Лёш. Ты людей перестал чувствовать. Меня в том числе». И вышел. Не хлопнул дверью. Просто закрыл её тихо. И эта тишина была окончательной. Сидение и взгляд на дверь. Желание крикнуть: «Остановись!». Желание встать, подбежать, схватить за плечи, сказать: «Прости, я всё понял, я изменюсь, пожалуйста, не уходи». Но слова не были сказаны. Просто сидение и взгляд на дверь. Потеря друга произошла в тот момент, когда не поднялась голова.

Вспоминается кладбище. Похороны отца Сергея. Отсутствие. Деньги и цветы были присланы. И сообщение: «Держись, брат, вырвусь — обязательно приеду». Не вырвался. Был на открытии второго офиса. Казалось, что это важнее. Ошибка. Сергей стоял на кладбище один. Его отец умер. А лучший друг не приехал. Деньги, цветы, сообщение — всё, чтобы не приезжать. Всё, чтобы не быть рядом. Всё, чтобы он понял: он для него — не человек. Он — строчка в списке. Между «согласовать смету» и «позвонить в банк» где-то была строчка «поддержать Серёгу». И она была отмечена. Деньгами и цветами. Как отмечают задачу. Потеря его тогда, на кладбище. Просто ещё не знал этого.

Вспоминается, как Игорь приходил три раза. Молодой парень. Горящий. Пришёл в апреле. Сказал, что «Северный проект» под угрозой. Клиент недоволен. Нужно вмешаться. Взгляд сверху вниз и слова: «Я тебя на что поставил? Вот и решай. Не для того я держу руководителей, чтобы бегать с каждой проблемой ко мне». Он ушёл. Пришёл в мае. Снова. Был занят. Пришёл в июне. Встреча перенесена. Дважды. А потом он перестал приходить. Просто делал свою работу и молчал. А через полгода «Северный проект» умер. Клиент ушёл к конкурентам. И узнал об этом последним. Сидение и взгляд на папку с документами. Вопрос: «Как я мог так ошибиться?». Ответ был известен: ошибка, когда сказал: «Я тебя на что поставил?». Ошибка, когда не поднял головы. Ошибка, когда не услышал. Потеря Игоря. Потеря проекта. Потеря всего.

Всё это было построено. Вкалывалось. Не спалось. Создавалась материальная база — дом, бизнес, счета. Делалась карьера. Был успех. Но внутри — ничего. Только пустота, холод, тишина.

А потом началось разрушение. Сначала мелкое: сорванные контракты, уход ключевых сотрудников, ссоры с партнёром. Потом — серьёзное: ушёл Сергей, упали обороты, начались долги. Попытки спасти: смена команды, бизнес-тренеры, йога, психологи. Всё это не работало. Только ускоряло потери.

Ночи без сна. Нехватка воздуха. Страх встать с кровати, потому что не знал, зачем. Судорожные поиски вариантов для спасения стабильности — и всё только ухудшалось. Бег. Бег так быстро, что не замечал, как теряется всё. Бег от страха. Бег от себя. Бег, чтобы не остановиться. Потому что если бы остановился — увидел бы пустоту. Увидел бы, что внутри ничего нет. Увидел бы, что стал тем, кого ненавидит.

И однажды пришло понимание: попытка починить то, что должно умереть. Держание за старую жизнь, которая уже неживая. Не давал себе остановиться. Чем сильнее боролся — тем быстрее всё рушилось.

Тогда остановка.

Машина во дворе. Двигатель работал. Сорок минут. И перестал искать выход. Перестал бороться. Просто позволил себе быть в пустоте. Закрыв глаза и почувствовал, как внутри всё затихает. Как страх перестаёт биться в груди. Как бег останавливается. Перестал быть директором. Перестал быть мужем. Перестал быть отцом. Перестал быть кем-то. Просто был. Пустым. Тихо. Страшно.

Это было похоже на смерть. Умирание как тот человек, которым был. Умирание как успешный предприниматель. Умирание как тот, кто всегда знал ответ. Умирание как тот, кто бежал. И в этой смерти была боль. И в этой смерти была свобода.

Это был единственный путь к рождению.

Понял, что строил не от души. Строил от страха, от чувства долга, от желания доказать. Строил проект, а не жизнь. И когда проект достиг вершины — внутри оказалось пусто. Стал тем, кого хотели видеть другие. Но перестал быть собой.

Обнуление — это не наказание. Это перезагрузка. Шанс начать заново. С себя. С честности. С выбора.

Не сломался — остановился. Не слабый — устал от чужой силы. Не потерял — в поиске.

Теперь известно: богатый — это не про деньги. Это про душу.

И сидение в машине. Во дворе. Сорок минут. И неизвестность: что будет завтра, сможет ли войти в этот дом, сможет ли Марина простить, сможет ли Соня нарисовать снова, сможет ли Сергей когда-нибудь посмотреть в глаза. Ничего не известно.

Но известно одно: больше не будет бега.

Остановка.

И это — начало.

— Психологический вывод: Кризис идентичности — это не слабость, а начало исцеления. Алексей теряет все социальные роли и впервые сталкивается с вопросом «кто я без всего этого?». Пустота оказывается пространством, где может родиться новое «я». Страх — не враг, а указатель на необходимость остановиться.

Микро-действие:

Задай себе вопрос: «Кто я, если у меня отнять всё — работу, статус, деньги, роли?». Запиши первый ответ, не редактируя.

Глава 1. Утро после

Пробуждение в пять утра.

Это стало привычкой — просыпаться до рассвета, до городского шума, до соседского телевизора, до того, как жизнь напоминает о себе. Белый потолок. Чужой потолок. Чужая квартира. Чужая жизнь.

Второй месяц в этой квартире. Однушка на окраине с дешёвым линолеумом и скрипучим диваном. Деньги ещё остались — не все сгорели вместе с бизнесом. Но выбрана была именно эта. Маленькая. Тесная. Безжизненная. Она соответствовала состоянию. Она была такой же пустой, как и всё внутри.

Тело не слушалось — плечи затекли, поясница ныла. Попытка встать — ноги ватные, как после марафона. Во рту — металлический привкус страха. Алкоголя не было, но язык сухой и шершавый, как наждак.

Взгляд упёрся в потолок. Там была трещина — длинная, тонкая, начиналась у люстры и уходила к стене. На неё смотрели каждое утро. Она напоминала ту трещину, которую когда-то

заклеивали в другой жизни, в другом мире. Ту, которую не заметили. Ту, которая разрушила всё.

Телефон на тумбочке лежал экраном вниз. Брать его не хотелось — там ничего нет. Ни сообщений от Марины. Ни звонков от Сергея. Ни новых заказов. Только тишина. Она стала главным врагом. Раньше ненавидел, когда телефон разрывался от звонков — клиенты, партнёры, сотрудники, встречи. Теперь ненавидел тишину. Она была хуже. Она была окончательной.

Вчерашний звонок Марине — она не взяла трубку. Удивления не было — она не брала трубку уже три недели. Написал ей: «Я хочу поговорить». Ответ через три дня: «Я не готова». Смотрение на этот ответ — и внутри всё сжимается. Она не сказала «никогда». Она сказала «не готова». Это давало надежду. И это было самое страшное.

Звонок Сергею две недели назад — тот взял трубку после пяти гудков, голос ровный, пустой. Сказал: «Серёж, я хочу извиниться». Пауза. Ответ: «Ты уже извинялся. Слова не помогут». И положил трубку. Смотрение на телефон — и невозможность дышать. Слова не помогут. Это была правда. Но что ещё можно сделать?

Подъём с дивана. Боль в спине. Поход на кухню. Босиком по холодному линолеуму. Каждый шаг отдавался холодом, поднимающимся выше, к коленям, к животу, к сердцу. Чувство, как этот холод заполняет изнутри, как становится его частью. Вода в чайник, закипание. Взгляд в окно — серый, промозглый ноябрь. Дождь. Третий день. Капли, стекающие по стеклу, и мысль: «Я тоже стекаю. Я тоже таю. Я тоже исчезаю».

Кружка — та самая, с надписью «Лучший папа». Соня подарила её на день рождения. Смотрение на эту надпись — и внутри всё переворачивается. «Лучший папа». Не был лучшим. Даже не был папой. Был функцией. Тем, кто приносит деньги. Но не тем, кто был рядом.

Сидение за столом. Чай остыл, но не замечалось. Взгляд в окно и мысли: «Я хотел быть свободным — а стал рабом. Я хотел дать семье безопасность — а потерял их. Я хотел быть успешным — а стал никем. Я хотел быть счастливым — а стал пустым».

Закрытие глаз — и перед ними тот вечер. Марина сидела на кухне с остывшим чаем. Прошёл мимо. Не обнял. Не сказал: «Я люблю тебя». Не спросил, что с ней. Просто прошёл мимо. В душ. В кровать. В свой сон. А она осталась сидеть. Одна. С остывшим чаем. С пустотой.

Открытие глаз. Взгляд на кружку. И вслух:
— Что теперь, Лёш? Что теперь?

Ответа не было. Только тишина. И дождь за окном. И трещина на потолке, которая росла с каждым днём.

Не знал тогда, что это утро станет началом пути. Не к новому бизнесу. Не к новым деньгам. Не к новым победам. А к себе. К тому, кого потерял давно. К тому, кто ждал в пустоте.

Психологический вывод: Потеря — это не событие, а процесс. Алексей просыпается в чужой квартире и чувствует, что потерял не только бизнес, но и все ориентиры. Он не знает, зачем вставать. Тишина становится главным врагом, потому что в ней он слышит только себя — того, кого боится увидеть.

Микро-действие:

Проведи 10 минут в полной тишине. Без телефона, без музыки. Просто сиди и слушай. Запиши одно слово, описывающее это состояние.

Глава 2. Суд

Невозможность дышать.

Зал суда был холодным. Не от температуры — от бездушия. Белые стены, серые скамьи, металлические перегородки. Никаких украшений. Никаких признаков жизни. Только формальность. Только буква закона. Только приговор, который уже был написан, даже если его ещё не озвучили.

Скамья подсудимых. Рядом — адвокат, нанятый за последние деньги. Его имени не запомнилось. Какое-то русское, простое. Он называл его «вы» и старался не смотреть в глаза. Потому что в глазах адвоката виделось то же, что и в глазах всех остальных — осуждение, сочувствие или пустоту.

Руки на коленях, неподвижные, как у мёртвого. Попытка вспомнить, как они оказались здесь — эти руки, которые подписывали контракты на миллионы, жали руки партнёрам, держали детей, когда они были маленькими. Теперь они просто лежали. Бесполезные. Пустые.

Под одеждой выступал пот. Рубашка прилипла к спине. Сердце колотилось где-то в горле. Сглотнуть — ком не проходил. Попытка дышать глубже, но воздух был спёртым, тяжёлым, он заполнял лёгкие, но не давал облегчения.

Голос прокурора, зачитывающего обвинение. Ровный, безэмоциональный. Перечисление статей: мошенничество в особо крупном размере, подделка документов, уклонение от уплаты налогов. Каждое слово падало, как удар молота. Смысл не слышался — только звук, тяжесть, неотвратимость.

Закрытие глаз. И вдруг — не из зала, не из внешнего мира — другой голос. Тёплый. С хрипотцой. Голос мамы. Она звонила вчера, когда он уже ложился спать. Она сказала: «Сынок, я знаю, что завтра у тебя суд. Я не могу приехать — ты же знаешь, мне тяжело ездить. Но я буду с тобой мысленно. Помни: ты мой сын. Ты сильный. Ты честный. Что бы ни случилось — ты справишься. Я верю в тебя».

Тогда не ответил ничего внятного. Просто сказал: «Спасибо, мам». А теперь, сидя в этом холодном зале, голос звучал снова, громче слов прокурора.

Открытие глаз. Руки всё ещё лежали неподвижно. Но внутри, там, где минуту назад была только пустота, появилось что-то тёплое. Вспомнилось, как в детстве мама говорила: «Будь честным, сынок, даже когда страшно. Честность — это единственное, что у тебя никто не отнимет». Тогда, в детстве, эти слова не до конца понимались. А теперь — понял. Понял, что всю взрослую жизнь бежал от этой простой истины. Врал, приукрашивал, скрывал. Именно это привело сюда. На скамью подсудимых.

Сжатие кулаков. Кости хрустнули. Боль в ладонях — острая, живая. Эта боль была нужна. Она напоминала, что жив. Что ещё можно выбирать.

Вспомнилось, как сидел на кухне с разбитой губой в двенадцать лет. Мама не спрашивала, кто ударил. Просто села напротив, взяла руку и сказала: «Расскажи мне, как ты себя чувствуешь». Тогда заплакал. Не от боли — от того, что она видела его. Она всегда видела его настоящего. А он снова врал. Снова. Но сейчас, в этом зале, решил не врать.

«Подсудимый, — сказала судья, — вы признаёте свою вину?»

Поднятие головы. Взгляд на судью. Потом на прокурора. Потом на пустые скамьи, где должна была сидеть Марина. Искал её глазами, хотя знал, что её нет. Искал Сергея. Его тоже не было. Но мама была с ним. Её голос звучал.

— Да, ваша честь. Я признаю свою вину.

Тишина повисла в зале, как бетонная плита. Слышно было, как бьётся сердце. Как кровь стучит в ушах. Как внутри что-то умирает. Но одновременно что-то другое — что-то, что считалось мёртвым, — начинало просыпаться.

Стояние перед судьёй и произнесение: «Я признаю свою вину». Голос ровный, спокойный. Даже улыбнулся — неловко, виновато. Но внутри всё дрожало. Ноги становились ватными, сердце колотилось где-то в горле. Страх упасть. Страх, что увидят его боязнь. Но он стоял. Потому что мама сказала: «Ты сильный. Ты справишься».

Поворот к залу и начало речи. О том, как бежал. О том, как боялся остановиться. О том, как потерял всё. Голос дрожал. Слёзы подступали к глазам. Но не останавливался. Говорил правду. Потому что больше не мог врать.

— Я не знаю, как жить дальше, — сказал он. — Я не знаю, как смотреть в глаза своей жене. Я не знаю, как смотреть в глаза своим детям. Я не знаю, как смотреть в глаза себе. Но я знаю одно: я больше не буду бежать. Я остановлюсь. Я приму наказание. Я сделаю всё, чтобы исправить то, что можно исправить.

Сел на место. Тишина снова повисла в зале. Но она была другой. Не холодной. Не пустой. Она была наполнена чем-то, чего раньше не было.

Судья посмотрела на документы, на Алексея, на зал.

— Приговор будет оглашён через три дня.

Через три дня — условный срок и огромный штраф. Выход из здания суда и взгляд на серое небо. Дождь. Он всегда шёл, когда он выходил из суда. Стояние под дождём и чувство, как капли стекают по лицу. Как слёзы, которые не мог выплакать.

Сидение в машине и взгляд на руки. Они дрожали. Себя он не узнавал. Не знал, кто он. Не знал, что делать. Знал только одно: больше не будет бежать. Остановится. Но не знал, как.

Завёл машину и поехал в пустую квартиру. В ту самую, где теперь просыпался каждое утро. Где смотрел на трещину на потолке. Где ждал чуда, которое не приходило.

Но теперь, в этой пустоте, чувствовалось что-то новое. Что-то, что дала мама. Её голос. Её вера. Её слова: «Ты сильный. Ты справишься». И он знал — он попробует. Ради неё. Ради себя. Ради тех, кого он потерял. Он попробует остановиться. И это — начало.

Психологический вывод: Признание вины — это акт освобождения. Алексей не просто признаёт юридическую вину — он признаёт свою ответственность за всё, что произошло. Его речь в суде — момент, когда он перестаёт врать себе. Мама становится голосом безусловной любви — той опоры, которая держит его в самый страшный момент.

Микро-действие:

Вспомни ситуацию, где ты был неправ, но не признал этого. Напиши одно предложение: «Я был неправ, когда...». Без оправданий.

Глава 3. Похороны компании

Пришёл в офис в семь утра. В последний раз.

Ключ всё ещё был у него — он не сдал его, хотя должен был сделать это ещё неделю назад. Он держал его в кармане и сжимал так, что металл врезался в ладонь. Не хотел отдавать этот ключ. Не хотел признавать, что больше никогда не откроет эту дверь. Не хотел хоронить своё прошлое.

Стояние перед дверью офиса и взгляд на табличку. «ООО „Ветров и партнёры“». Она висела здесь одиннадцать лет. Сам заказывал её, выбирал шрифт, материал, цвет. Хотел, чтобы она выглядела солидно. Чтобы клиенты понимали: здесь серьёзная компания. Смотрение на неё — и внутри всё сжимается. Горло перехватывает. Глаза начинает щипать.

Открытие двери. Внутри тихо. Слишком тихо. Проход по коридору мимо пустых кабинетов. Стекланные перегородки прозрачны, как всегда, но за ними пусто. Никаких столов,

компьютеров, людей. Только голые стены, провода, торчащие из розеток, и следы от мебели на полу — тёмные прямоугольники, как могильные плиты.

Дошёл до своего кабинета. Дверь открыта. Вход. Кабинет пуст — все вещи вывезены две недели назад. На стене — тёмные пятна от картин. На полу — следы от ножек стула. И запах. Запах его жизни, который уже уходил, выветривался, исчезал.

Подход к окну и взгляд на город. Серый, промозглый, ноябрьский. Дождь. Он всегда шёл, когда он прощался с чем-то важным. Сначала — с отцом, когда тот умер. Потом — с Сергеем, когда тот ушёл. Потом — с Мариной, когда она сказала, что хочет пожить отдельно. И теперь — с компанией. Капли, стекающие по стеклу, и мысль: «Дождь тоже прощается. Он смывает всё. Он не оставляет следов».

Сидение на полу. Не было стула, не было кресла. Просто сел на пол, прислонившись спиной к стене, и смотрел на пустоту. Смотрел на серое небо за окном. Смотрел на свои руки. Они не дрожали. Они были неподвижны.

Вспомнилось, как подписывал документы о банкротстве. Юрист приехал к нему домой — он не мог приехать в офис, не мог смотреть на пустоту. Юрист положил на стол стопку бумаг. Толстую. Сотни страниц. Он сказал: «Алексей Николаевич, вам нужно подписать здесь, здесь и здесь». Смотрение на бумаги — и невозможность дышать. Брал ручку и подписывал каждую страницу. Буквы выходили неровными, дрожащими. Он не узнавал свой почерк. Он не узнавал себя.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.